

Валиева Н.А.

ВЕХИ ПОИСКОВ РЕГИОНАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ АРХИТЕКТУРЫ XX ВЕКА

Новейшие прочтения древнейшего жанра «жилище» Дом и жильё.

Информсемантика традиционной архитектуры жилища.

Современная история культуры, уйдя от обязательств жесткой заданности, остановилась перед многовариантностью цивилизационной теории исторического процесса, обусловленного нелинейностью, сложностью, риском, но и возможностью без давления попробовать разобраться в тенденциях развития, также, как и в естествознании на рубеже XIX-XX вв.

Культура обогащается накоплением художественного опыта общества, как материального, так и духовного, и потому невозможно механическое перенесение какой-либо модели как единственно правильной, эталонной на почву других культур, хотя такие попытки делаются неоднократно расистами разного толка с их презрительным отношением к «туземной» морали, истории и культуре.

Однако ключом в исполнении современного мирового оркестра художественной культуры является «полифония» этнокультур, многоголосием утверждающая свою идентичность, сопротивляясь облучающей унификации жестких промышленных технологий, разрушающих природу и жестких социальных технологий, ведущих к деформациям в нравственной и духовной сферах общества.

Современному миру нужны интеллектуалы в архаическом значении, так как стерильно чистый профессионализм, лишенный моральных основ не заменит этику традиционного общества. Такие показатели как характер труда и его престижность, критерии общего качества жизни стали играть большую роль, чем оплата труда и уровень жизни и как следствие более бережное отношение к традиции, приверженность к стилю «ретро», что приобретает постепенно цивилизационные масштабы, потому что каждая из земных цивилизаций обладает собственным типом времени и своей исторической программой а также запасом прочности таким же как и экосистемы, со способностью, к восстановлению нарушаемых равновесий этнокультурного обезличивания и опустошения.

Если же обратиться к естествознанию как аналогу, то при уменьшении биологического разнообразия является верный признак энтропийных процессов живой природы, почти тоже происходит и в культурной среде, теряющей свои прежние позиции. Природа и культура, уставшие от перегрузок модернизации выводят к реабилитации вытесненных форм мироощущения, уходят от крайнего духовного убожества человека эпохи технологического могущества. «В принципе развития содержится и то, что в основе лежит внутреннее определение, существующая в себе предпосылка, которая себя осуществляет» этот - сформулированный Гегелем императив имеет еще и нравственное содержание, относящееся к защите исторического достоинства народов, их права на собственное культурное достояние, обретенное в ходе тысячелетнего развития. «К посягательству на заложенную в истории народов многообразную логику культуры следует относиться как к опаснейшей из всех исторически известных экспроприаций. Похищенное богатство может быть восстановлено, если культура сохраняется, напротив любое богатство не спасет народ от банкротства, если иссякли культурные источники его бытия и подорвана его идентичность» - предрекал Алан Турен еще в 1973 году.

Разрушение традиционной веры и обычаев результат безответственной «морали успеха», лишаящей человечество способности жить в долговременной перспективе, вводящей при этом в неразрешимую антиномию: если есть развитие, то нет стабильности.

Доктринеры всех новых учений сетуют на народный менталитет, как на помеху их миропотрясающих начинаний так как народная здоровая основа является хранилищем реального опыта.

«Фоновая» застройка, или, так называемые, «спальные» районы, построенные во второй половине XX в., не имеют выразительных композиционных доминант, так как не задумывались целостным ансамблем, а просчитаны по радиусам доступности общественных зданий с механической точностью макетного проектирования и потому лишены семантической сопоставимости в пространственных воплощениях. Вообще, слабая дифференцированность всего пространства, невнятность зонирования, отчужденность территорий транзитного наполнения ведут к тому, что внутриквартальные и уличные архитектурные решения мало отличимы друг от друга. Кроме того, теряется визуальная информация, которая в данном контексте отличается хаотичностью, в которой нет иерархии точных информационных сообщений.

В отличие от «спальных» районов застройки традиционной архитектуры жилищ сразу завораживают выразительностью, собранностью, органичностью, т.е. основными сведениями, необходимыми для получения общего впечатления о сущности пространственной формы, что и составляет информсемантику, имеющую свою структуру, воспроизводящую относительно точное представление. Семантическая точка зрения подготавливает внешнюю реакцию субъекта, на элементарном уровне раскрывая ее логическое, материальное и смысловое содержание, подготавливая более углубленное постижение эстетической сути пространственного ансамбля архитектуры как многогранного информсообщения.

Здесь важны контур или силуэт при оптическом сопоставлении неба, зеленого окружения, поверхности земли и среды, построенной человеком. Здесь масштаб, пропорции, ритм в отдельности не несут целостной информации, но благодаря им любая застройка или приобретает, или утрачивает индивидуальность и своеобразие. Здесь фактура, колорит, солнечный свет придают ансамблю необходимую эмоциональную выразительность, настроение.

Народные мастера умели чувствовать природу, ее материалы, выходя в своем поиске к единому информационному потенциалу жилищного ансамбля, всегда к тому же соотношенного с родным ландшафтом, создавая то высокое понятие «дома», где оберегают сами стены, где есть столб рода и куда возвращаются «блудные дети» за душевным равновесием.

Тенденции развития жилища в горах. *Универсальность приемов планировки горного жилища.*

Надо различать всевозможные формы структур и сочетаний жилищ от понятия «жилой дом», который всегда индивидуален. Изобрести современное жилище – это создать новую среду для жизни человека завтрашнего дня во всех областях его деятельности, где согласованы жизненный и человеческий масштабы, обеспечивающие преемственность меняющихся представлений человеческого общества, приводящих к постоянным переменам окружающего ландшафта – главной доминантой любого развивающегося во времени пластического архитектурного ансамбля жилища.

Постоянная потребность в жилище растущего города или поселка привела к формуле жертвования качеством во имя количества более или менее комфортного жилья. В это время приходится тиражировать производные производных примеров интернационального стиля, совершенно отбросив региональные своеобразия в угоду плану привязок банальных безликих типовых проектов.

На качество синтагм городского организма как композиционно-пространственных составляющих работали многочисленные архитекторы, устраивая конкурсы и выставки. Но тиражирование удачного решения приводит к его гибели, девальвации идеи. Первоначальный импульс, полученный зодчими от традиционного, или фольклорного, языка архитектурных соотношений, выверенных временем, народное умение все пристроить, приладить показывают совершенно изумительные примеры жилищных ансамблей. Они постепенно исчезают с лица земли под натиском безудержной психологической атаки стройных рядов всего типового, как саранча, выедающего ростки прежней культуры материальной летописи, которые всегда неожиданны в своих проявлениях, всегда органичны в родных ландшафтах, а потому всегда духовны.

При таком ускоренном коммуникативно-информационном нивелировании архитектуры и такой зависимости от способа хозяйствования, от уровня изолированности от столбовых дорог развития зодчества архитектура жилища оказывается самой незащищенной.

От лозунга «Жилище – машина для жилья», провозглашенного Ле Корбюзье в Афинской хартии, исходит восторг, который до такой степени возвеличил культ машин, что Современная архитектура, будучи функциональной, стала отправлять свою «главную» функцию – функцию машины – почти как религиозную. Пророки Современной архитектуры вскоре сами стали вырываться из ими же созданных тисков жесткого регламентирования архитектурных решений. Архитекторы же, исходившие из примата природы, ландшафта, органичности, всегда решали поставленную задачу как единственную для данного места и невозможную для размножения, при котором почти всегда происходят механические эпигонские превращения [1, с.102–104].

Народные застройки старинных горных поселений, напротив, на протяжении своего существования, развиваясь и меняясь в размерах, как живой организм, по мере роста, демонстрируют постулат динамичной архитектуры. Удивительно гармонично освоение склонов гор террасами, где каждый ярус самодостаточен, но вместе с тем составляет, как по вертикали, так и по горизонтали, соседские общины в единое целое. Строгие требования к необходимому уровню благоустройства не позволяли никакого неуважения к соседям, исполняя роль регулятора чистоты, так как двор верхнего образования являлся крышей нижнего. В то же время одинаковая доступность солнцу позволяла инсолировать все помещения почти в равной степени. Композиция всего поселка, богатого пластикой, как бы произрастающей из неистощимых природных форм, поддерживала единство окружающего ландшафта неким утверждающим аккордом. Мелодии речек в долинах эхом отзывались в фонтанах селения с неперменной модуляцией в архитектуре малых форм. Набирая чистую воду источника, селяне обменивались новостями, т.е. самой первичной информацией. Таким образом, фонтаны были первым звеном в цепи создания иерархии общественных пространств, главные из которых были сфокусированы на площади у храма и торжища.

Приведенные общие черты с той или иной долей вариации исследователи наблюдали еще в первой половине XX в. в таком интересном в этнографическом аспекте регионе, как Черноморский горный: и на северном Кавказе, и в Закавказье, и в Малой Азии, и на Балканах, и в Крыму.

Приемы возведения самих зданий, планировочные доминанты, детали интерьера и экстерьера насыщены семантикой древнейших культур, расцветавших, несмотря на постоянные катаклизмы, как природные, так и неприродные, всякий раз, когда из генетического кода народа возрождался пространственный строй души. И такая древнейшая материальная книга с пренебрежением отставлена в дальние уголки библиотеки под натиском массовой типовой архитектуры второй половины XX в., стирающей из памяти все, заставляющей истинную культуру отступать перед напором суррогата.

Впрочем, за неимением «пророка в своем отечестве», импульсы горной архитектурной семантики можно увидеть как сенсацию в северном полушарии, например, на выставке в Монреале «Хабитат II» в ансамбле архитектора Моше Сафди [2, с.26–28].

Швейцарские архитекторы Фриц Стэк и Рудольф Моли творчески использовали древние прототипы в своем комплексе террасных домов в городе Цуге.

Технические возможности, продемонстрированные в решении серьезной строительной задачи – возведении высотных домов, – через очень короткое время привели думающих архитекторов к террасной за-

стройке, так как богатство пластики позволяет создавать цельные ансамбли без негативных шлейфов небоскребов – «чуда архитектуры XX века».

Небоскребы, прочитанные семантическим языком, обладают всем набором отрицательных характеристик, не учитывающих пропорций человека, подавляют эстетические и эмоциональные положительные переживания от архитектуры, как силуэтом, так и пластикой. Как реакция на психологическое подавление людей, происходит пересмотр бездушных глобальных параллелепипедов с позиции масштаба человека, что позволяет сделать террасы, то есть сдвинуть этажи по вертикали во всевозможных вариациях математических структур. Бесконечные модели комбинаций приводят к сложным орнаментальным композициям, причем они часто могут быть оторваны от условий реального жизненного пространства.

Рассмотрение души человека математическими методами на уровне макетного проектирования, да еще и в условиях энергетических кризисов, ведущих к сомнительному коммунальному обеспечению, вскоре приостановили тотальное увлечение структурами, заставили проектировать скромные по объему здания с энергетическим обеспечением нетрадиционными источниками энергии, то есть солнечными, ветровыми, биологическими. Появилось понятие «биодом», или экологический дом. Под этими девизами создаются новые направления и школы.

Но революционный пафос Паоло Соляри, ратующего за создание города-здания Солнца, опять своими макроразмерами совершенно подавляет человеческие. Такое образование бросает вызов природным доминантам, настаивая на своем приоритете исключительности. Космологические «болезни левизны» архитектуры, сделав круг, приводят к истокам фольклора, к душе как главному импульсу символической архитектуры, к изучению языка пространственной пластики народного зодчества.

Рассмотрим жилой дом в турецком городе Адане архитекторов Севки Ванлы и Доруна Памира как немногочисленный пример попытки соединить в решении нового жилого дома требования современной архитектуры и традиций пространственной организации. Дом предназначен для состоятельной семьи. Композиция основана на непрерывном перетекании пространств внутри здания, что отражено в пластике фасадов, традиционно белой наружной отделке, способствующей поляризации света. Черепичная крыша, окна и двери из натурального специально пропитанного дерева подчеркивают народные строительные материалы, а простота и элегантность соотносимы с окружением и позволяют надеяться, что при затрате небольших средств можно прийти к ансамблевой застройке, если внимательно прочитать книгу народного зодчества, что поможет возродить язык художественных традиций, пластики пространственных пропорций [3, с. 102–103].

Архитекторы должны возрождать новые системы, то есть новые органичные композиции, отвечающие и психологическим, и общественным запросам человека. Это удалось сделать турецким зодчим.

А в архитектуре анатолийского жилого дома, вобравшего в себя вечно живую конструктивную функциональную ясность, необходимую для создания гуманистической среды застройки жилища традиционными материалами, зодчий получает импульс новой пространственно-художественной концепции для следования духу места, а не буквального воспроизведения прежних форм.

Рис. 10. «Тенденции развития жилища в горах». Архитектурные составляющие коллажа: традиционная застройка, вид с реки Янтра, г. Тырново, Болгария; ансамбль жилого комплекса архитекторов Фрица Стэка и Рудольфа Моле, г. Цуге, Швейцария.

Реконструкции туристических комплексов. *Матрица реконструкции при погружении в стихию этнографической оригинальности.*

Индивидуальность каждого древнего поселения, последовательно развивавшегося во времени, постепенно переносится на город, а потом и на крупное градостроительное образование, зачастую определяя его характерный облик. Таким образом, первоначальное поселение – это ядро семантической клетки, которая делением и умножением переносит характер назначения на весь организм мегаполиса.

Древнейшее образование оазиса Чач, переросшее за тысячелетие в город Ташкент, к X в. имело 12 ворот, а вся территория была переплетена системой каналов – своеобразными кровеносными сосудами города. Ограничение роста города крепостными стенами привели к созданию удивительной ткани жилой застройки, сохранившей жизнеспособность до XX в., когда индустриализация строительства вынудила привести к единообразию все на всех широтах. Большая часть города была подвергнута этому процессу, но стойкой зоной непонимания оставалась первоначальная территория, давшая жизнь городу, не приобщенная к благам цивилизации, отлученная от возможности поступательного развития, находящаяся под угрозой полного сноса.

Такое подвешенное состояние продолжалось не год и не два, а десятилетия, воспитавшие не одно поколение. Всякие изменения в собственном дворе карались административными мерами. Но главной проблемой, конечно, оставалось коммунальное обеспечение. Люди, живя в центре огромного мегаполиса, пользовались доисторическими удобствами. Многие зодчие ломали головы над этой проблемой, а туристы прямым ходом направлялись именно в эти неповторимые по своей планировочно-пространственной структуре части современного города, чтобы прочувствовать то самое погружение в стихию этнографической оригинальности, за которым, собственно, сюда и приехали [4, с. 4–8, 29–31].

Прошло много времени, прежде чем власти города смогли оценить потенциал ветшающей застройки народной архитектуры, ее художественно-технические достоинства как черты истинно талантливого проявления фольклора. Не сносить, а изучать и помогать постичь законы местного формообразования вечно изменяющейся и восстанавливающейся структуры, динамично отвечающей насущным вопросам, постав-

ленным временем, – это задача, которая должна решаться всегда деликатно, уместно, на своем знаковом языке. Язык этот, развиваясь во времени, отражал перипетии становления общества своими пластическими законами, понятными для народных мастеров и их заказчиков. Цеховая организация ремесленников не допускала неопробованных приемов или неорганичных включений в свою сложившуюся систему эстетических представлений. Место и назначение постройки определяли пропорциональными человеку размерами и по вертикали, и по горизонтали. Творческое следование запросам семьи при ее увеличении или уменьшении вело к периодическому подновлению постройки в течение летнего сезона, переборкой подгнивших стоек или балок фахверкового каркаса с традиционным материалом заполнения – всегда готовой для подобных случаев, хорошо вымоченной под солнечными лучами глиной [4, с.13–14].

Многие древнейшие цивилизации в строительстве огромных сооружений достигали существенных технических и художественных результатов, используя только лессовую строительную глину, обжигая или применяя ее в сыром виде.

Современные французские исследователи, работая с этим материалом в северной Африке, пришли к выводу, что возможности данного строительного компонента далеко не исчерпаны. Монолитное многообразие пластичных фантазий железобетона можно с долями поправок на сроки созревания переносить на глинобетон, особенно там, где он применялся не одно тысячелетие. Экологичное деревянно-сырцовое жилище, конечно, недолговечно, но, являясь прообразом художественной системы, имеет право на уважительное к себе отношение без противопоставлений благам современных норм – инсоляции, санитарной гигиены, допустимой радиации и прочих показателей здоровой жизни.

Диалектический постулат отрицания отрицания, сделав количественные круги развития, видимо, задает свой новый качественный вопрос о преобразовании в современном зодчестве древнейших, как мир, строительных материалов. Дворцы из стекла и бетона, конечно, хороши в снах. В реальности же – не всегда и не везде, как убеждает практика массового строительства второй половины XX в. За этот небольшой срок, с точки зрения практики тысячелетнего строительства, у потребителей появилось немало претензий различного порядка к жилищу, предложенному веком прогресса и индустриализации. Они выявляются в нежелании покидать дома на земле, хотя и ветхие и без удобств, менять их на блага секционного домостроения. При разрушении родового дома рушится прежний уклад семьи. Рушится и более глубокий пласт: уходит в небытие определяющий психотип жителя квартала, города. Наверное, это неизбежный процесс, но всегда ли он идет под положительным знаком? Почему исчезнувшие виды животных и птиц, призывы клонировать их снова из клеток уцелевших чучел на благо разнообразия жизни в природе вызывают горькое сожаление о тупиковых путях развития биотипов? Стремление же к унификации, стандартизации и типологии в архитектурном творчестве до сих пор не сняты с повестки дня, когда речь идет о массовом жилище! Этот парадокс – совсем не гения зодчества друг.

Каждый архитектор, еще не родившись, априори уже должен быть обеспечен работой на многие годы. Практически же он не востребован обществом, утерявшим красоту логического осмысления работы конструкций в вечно непостижимом пространстве и быстро текущем времени. Только немногим целеустремленным зодчим при благоприятных обстоятельствах удается пробить брешь в подобных проблемах многих исторических городов со своим лицом. Архитектор-планировщик Рам Л. Сети из Ахмадабада, решая проблему реконструкции центральной части города чрезвычайной плотности, построенной в 1420 г., подошел в поисках идеи к конкретной форме, в соответствии с которой были выявлены все нужды – социальные, культурные, экономические, административные, композиционные. Соотношения между ними постоянно учитывались на первом этапе проектирования элементов, рассматриваемых в качестве «модулей»: модулей социальных группировок; модулей подхода к сооружению; композиционных модулей [5, с.72–74].

Непрерывные свободные пространства связывают и объединяют группы жилых секторов, а сектора в жилые образования. Каждый самый мелкий элемент связан с самым крупным. Такое градостроительное решение учитывает сложные исходные данные участка реконструкции 9 га с численностью населения 11,5 тыс. человек, что составляет 1,92 тыс. семей при среднем количестве 6 человек в семье. Все общественные, торговые, учебные заведения размещаются проектом на самых просторных территориях. Занятая на работе часть населения, направляясь на работу и возвращаясь домой, при пересечении этих пространств постоянно контактирует с расположенными в каждом секторе движения пешеходов ремесленными рядами, всегда сопутствующими традиционной жилой застройке с местами приложения труда. Весь комплекс работ по реконструкции распределяется по очередям, чтобы не выселять сразу всех жителей на время строительства.

При возможном множестве методов реконструкции ткани исторической жилой среды, регулируемой памятниками архитектуры по высоте, выявленной охранной зоной – законом для фоновой застройки ансамбля – привлекает внимание предложение с максимально бережным отношением к сложившемуся в течение веков характеру возведения зданий.

Архитектор при этом разрабатывает генплан участка, подводку сетей коммуникации, сохраняя в точности геометрию существующих участков, соблюдая основные и обязательные положения СНиП по пожаробезопасности, сейсмостойкости, то есть берет на себя роль координатора процесса реконструкции всей застройки в едином ключе и определенной технике, сохраняя и передавая культуру строительства на новом качественном уровне современного жителя исторического города.

Предлагаемая для апробации жилая группа из трех соседствующих домов расположена на берегу ары-

ка Каль-кауз, протекающего по северо-западной части старого заповедного Ташкента. Выбор объясняется своеобразием расположения дворов и водного русла. Каждый дом изолирован и независим от соседнего и в то же время связан тесными семейно-родственными узами, так как в них проживают сложные многодетные семьи, люди разных поколений. В такой ситуации задача архитектора – «не навредить», сохранить сложившиеся отношения людей в окружающей, родственной им среде проживания, чтобы развить полифонизм, присущий истории торгово-ремесленного города, так привлекательного для путешественников. На сохранившихся с эпохи средневековья улочках туристам полнее и отчетливее представляется прошлое города. В существующих уже сегодня зонах активного посещения туристами последние стремятся глубже понять, почувствовать местный ритм жизни, познакомиться с обычаями, традициями, этнографическими особенностями быта, ремеслами, с изюминками национальной кухни. Восстановленная среда, а не отдельные памятники может и должна стать главным потенциалом привлекательного для туризма города.

Рис. 11. «Реконструкции туристических комплексов». Архитектурные составляющие коллажа: традиционная застройка, г. Гурзуф, Крым; архитекторы Севке Ванлы и Дарун Памир, жилой дом, г. Адан, Турция.

Митра. Тенгри. Гелиос... *Знак солнца – пожелания добра, удачи, благоденствия.*

Архаический горный орнамент состоит из геометрических фигур: розеток разных видов, ромбов, крестов, спиралей, двуспиралей, происходящих от символики солнечного культа древних скотоводов, выражающего психологию создавшего его народа, силу и энергетический потенциал его искусства.

Самим географическим расположением Крым вовлечен южным морем в свою орбиту, потому в строительстве издревле практиковалась широтная ориентация с полным раскрытием югу и совершенной изоляцией от севера. Жилой дом, с юга украшенный террасами, верандами, балконами, лоджиями, на север позволял открывать лишь маленькие глазки крохотных окон. Подобная планировочная традиция указывает на очень пристальное внимание неизвестных народных умельцев к климатическим особенностям региона и их учет при прогревании дома пассивными гелиосистемами [6, с.11, 45, 50].

В 70-х гг. XX в. многие индустриально развитые страны, столкнувшись с энергетическим кризисом, вынуждены были искать альтернативные источники энергии, не зависящие от колебаний политической погоды. Энергия солнца, ветра и воды при умелом обращении не вызывает экологических осложнений и легко преобразовывается в тепловую и электрическую. Она частично уже служила человеку с давних времен: ветряными мельницами, аккумулируясь в парниках, знанием часов приливов и отливов и т.д.

В результате поисков и исследований гелиодома по системам преобразования гелиоэнергии в электрическую и тепловую стали разделять на несколько типов: пассивные, активные, интегральные. Жилые дома с пассивной гелиоструктурой относят к биоклиматической архитектуре, когда южная поверхность фасада представляет собой полностью остекленную плоскость, все прочие стороны ограждаются стенами, имеющими минимальные светопроемы в целях сокращения светопотерь.

Первоочередным условием расположения гелиоприемников активной системы является максимальное количество получаемой солнечной энергии. Ориентировать гелиоустройство в северном полушарии целесообразно не строго на юг, а со смещением за запад в пределах угла 15 градусов, при этом подхватывается направление гелиотермической оси. Угол же наклона к плоскости горизонта зависит от режима и периода работы гелиоприемника для полученной суммарной солнечной энергии и равномерного ее распределения при потреблении, а также от использования пространства за стеной установки.

Сдвигка квартир в террасном доме позволяет использовать в качестве гелиоприемников стены-кровлю и парапеты террас. Эти площади обеспечивают 100-процентную потребность теплоснабжения. Южные фасады состоят из окон и гелиоприемников в горизонтальном и вертикальном направлениях, а также могут представлять собой полностью полосы террасных структур гелиодомов на склонах. Классифицируя гелиодома по типу, можно различать террасные на рельефе, террасные на горизонтальной плоскости до 5-ти этажей, а также до двух уровней. Эта классификация показывает достаточную градостроительную маневренность, чему способствует и техническое совершенствование активных систем с релейным слежением за освещенностью горизонта и преобразованием гелиоэнергии в комфортное снабжение удобствами без дорогостоящей прокладки внешних инженерных сетей в труднодоступные районы с резко пересеченной местностью.

Биобезотходная система хозяйствования позволяет надеяться на постепенное возвращение заброшенных дальних горных сел в полноценные современные информационные системы с потенциалом на будущее. Солнечные страны с наибольшей инсоляцией – Испания, южная Франция, Италия, Турция, Кавказские, Балканские, Центральноазиатские страны, Индия, Ближний Восток, Центральная Америка. Здесь возможен широкий диапазон использования солнечной энергии: от теплиц до сверхчистых заводов для получения космических химических соединений, невозможных в других условиях.

Факторы непосредственного влияния на качество – метеоусловия и типологические. Особенно благоприятными режимами располагают территории между 10 и 40 параллелями, где солнечные установки могут быть использованы в малых производствах по переработке и консервированию сельхозпродукции, в сушильных, холодильных установках, в цехах по выпечке хлеба, в маслобойках, в мастерских по ремонту сельхозинвентаря и бытовых предметов и т.п. Неподвижный резервуар накопителя энергии наклонен под углом, равным углу между широтой и перпендикуляром направления эклиптики. Черное дно резервуара непрерывно орошается тонким слоем жидкости покрытия под прозрачной пленкой, чтобы, собрав калории, передать их по системе труб в центральный теплообменник. При этом под прикрытием огромных по-

лузатенных пространств создается атмосфера свежести. Эти пространства также используются для различных нужд, где необходимы большие перекрытые площади – для рынков и т.п. [7, с.8–12].

Формообразование народной архитектуры демонстрирует тщательно продуманные системы улавливания ветра или света, как, например, среднеазиатские дома, находящиеся в условиях резко континентального климата и жесткой радиации.

Удивительное ансамблевое мышление почти всегда прочитывается в селениях традиционной застройки, не вызывающей зрительного раздражения, а, наоборот, ласкающей взор. Покидая пасторальную колыхель и обосновываясь в городе, человек постепенно становится жестче, замкнутее, недоступнее; тот пласт души, который с младенчества согрет солнцем, уменьшается, как шагреневая кожа, солярный знак исчезает из жизни, стирается его сакральное содержание. Ведь прежде весь год был отмечен разными приближениями светила, чему соответствовал календарь работы на земле. Уклад жизни был измерен солнечным лучом древних кромехов [8, с.101–105, 132–133, 153–156].

Семантика традиционного зодчества, язык пластических изъяснений при применении гелиоустановок должны обогатить древние, как мир, сюжеты жилого дома – самого неизменного жанра архитектуры, разнообразного, неповторимого, как листья дерева, как линии пальцев человека, как радужная оболочка его глаз. Только солнцу по плечу возродить «живых камней драгоценный дар» народных пространственных ансамблей жилища на другом пространственном уровне. Спираль лабиринта солярного знака Крыма, древнего символа солнца, всегда наиболее почитаемого бога, изображаемого в виде всадника или крылатого коня, а также в виде стрелы с изображением розетки или шара, круга с крестом или птицы, солнечного диска бытовала в древнейшем Средиземноморье. В большинстве случаев свои святилища солнцепклонники располагали на вершинах гор, чтобы в день летнего солнцестояния принести в жертву овцу и вместе с семьей подняться поближе к святыни, произнести молитвы, в которых попросить об урожае полей, приплоде скота и о всяком благоденствии. Бог Солнца – бог добра, ниспровергатель зла, побеждающий мрак.

Подобное благоговейное отношение к солнцу наблюдается в развитии гелиотехники, в совершенствовании гелиосистем для возможности оздоровления окружающей среды при учете современных стандартов жилища и включении национальных особенностей и традиционного образа жизни исследуемого региона. Возможность воссоединить в органичное целое древнейшие и новейшие проявления культуры, материальной и духовной, вселяет надежду на создание оригинальных архитектурных ансамблей, удобных для жизни и интересных своей спецификой для гостей.

Рис. 12. «Митра. Тенгри. Гелиос...». Архитектурные составляющие коллажа: традиционная застройка домов на рельефе, аул Согратль, Дагестан; ансамбль жилого комплекса архитектора Моше Сафди, проект с выставки Монреаль-67, Канада.

Источники и литература

1. Эмери П.А. О роли СИАМ в истории современного градостроительства // Современная архитектура: Пер. с фр. – 1967. – № 5. – С. 102–104.
2. Жилые дома-67. Монреаль // Современная архитектура: Пер. с фр. – 1967. – № 2. – С. 26–28.
3. Ванлы С., Памир Д. Дом в Адане // Современная архитектура: Пер. с фр. – 1968. – № 6. – С. 102–103.
4. Архитектура и строительство Узбекистана. Номер, посвященный реконструкции Ташкента. – 1991. – № 1.
5. Сетя Р.Л. Городская реконструкция Шахпур, Ахмадабад, Индия // Современная архитектура: Пер. с фр. – 1968. – № 6. – С. 72–74.
6. Куфтин Б.А. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова. – М., 1925. – 68 с.
7. Де Бюшер Г., Александров А. Введение в архитектуру сооружений, использующих солнечную энергию // Современная архитектура: Пер. с фр. – 1968. – № 6. – С. 8–12.
8. Гольдштейн А. Башни в горах. – М. Советский художник, 1977. – 352 с.
9. Райт Ф.Л. Будущее архитектуры: Пер. Гольдштейна. – М.: Стройиздат, 1960. – 246 с.
10. Добрынин Б. Ландшафты горного Крыма // Крым. – 1927. – № 5. – С. 25–41.
11. Кобычев В.П. Поселение и жилище народов Северного Кавказа в XIX–XX вв. – М.: Наука, 1982. – 195 с.
12. Пузанов И.И. Крым. Путеводитель. – М., 1928. – 128 с.
13. Свен У. Солнечная энергия и другие альтернативные источники энергии: Пер. со швед. – М.: Знание, 1980. – 87 с.
14. Страутманис И.А. Информативно-эмоциональный потенциал архитектуры. – М.: Стройиздат, 1978. – 120 с.
15. Философия древнего и средневекового Китая // История философии в кратком изложении. – М.: Мысль, 1991. – С. 42–65.
16. Цапенко М.Н. Архитектура Болгарии. – М.: Стройиздат, 1953. – 280 с.

Валиева Наиле Абдуллаевна – архитектор, соискатель кафедры древнего мира и средних веков Таврического национального университета (Украина, Крым, г. Симферополь, тел. (0652) 54-68-03)

УДК 7.017.03:036 (крм)

Аннотация. В статье предпринята попытка определить значение одной из составляющих системы материальной культуры коренного этноса Крыма – горного жилища.

Анотація. В статті зроблена спроба визначити значення однієї з складових системи матеріальної культури корінного етносу Криму – гірського житла.

Annotation. The article deals with one of the parts of Crimean indigenous ethnos culture – that is mountainous habitation.

Ключевые слова и понятия: органичная архитектура; горное жилище Крыма;

архитектурный импульс; широтная ориентация Крыма; горная гелиозастройка.

Основні слова та вирази: органічна архітектура; гірське житло Криму; архітектурний імпульс; широтна орієнтація Криму; гірська геліозабудова.

Key's words and understandings: organic architecture; mountainous habitation of Crimea; architectural impulse; latitudinal orientation of Crimea; mountainous liobuilding.